

НЕМЕЦКИЕ ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СССР (ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ В НЮРНБЕРГЕ)

П.В. Борботько, Е.И. Переднева

Учебники для студентов-юристов, изучающих историю государства и права Беларуси должны содержать в себе государственно-правовую оценку исторических событий, происходивших на территории нашей Республики как в древности, так и в настоящие дни. Однако, некоторые темы, по нашему мнению, до сих пор излагаются иначе. Например, при оценке некоторых тем, связанных с Великой Отечественной войной, преобладает исторический, а не историко-юридический подход. К ним относятся, в частности, вопросы, связанные с оккупационным режимом на территории Беларуси в 1941-1944 годах.

Авторы учебных пособий просто приводят исторические данные о плане Ост, коллаборационистах, деятельности оккупационной администрации, репрессиях немецкого военного командования и т.д. По нашему мнению, студенты юридического факультета должны не только получать эти сведения в виде отдельных фактов (как данная проблема излагается в материале пособий), но, одновременно, знакомиться с правовой оценкой этой деятельности.

Лучше, на наш взгляд, было бы описывать события оккупационного режима, приводя данные Нюрнбергского трибунала, осудившего (среди прочих преступлений) нацизм, Германское государство, ее руководство, национал-социалистическую немецкую рабочую партию. Формула обвинения, предъявленная немецким преступникам, включала и правовую оценку мероприятий, проводившихся оккупационными властями также и на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

Обвинение нацистских преступников было разделено на 4 группы: «Отдельные элементы общего плана или заговора и его развития», «Преступления против мира», «Военные преступления», «Преступления против человечности». Последние два раздела соответствуют теме нашего исследования.

К военным преступлениям было отнесено нарушение Женевских и Гаагских конвенций, заключенных в период с 1907 по 1929 годы, подписанных как Германией, так и другими воевавшими странами. Нюрнбергский трибунал признал, что неподписание некоторых из них Советским Союзом в предвоенные годы не предоставляло Германии право не соблюдать данные международно-правовые акты. Обвинение в этом разделе шло по следующим пунктам: «Убийства и жестокое обращение с гражданским населением на оккупированной территории и в открытом море», «Увод гражданского населения оккупированных территорий в рабство и для других целей», «Убийства и жестокое обращение с военнопленными и другими военнослужащими стран, с которыми Германия находилась в состоянии войны, а также с лицами, находящимися в открытом море», «Убийства заложников», «Расхищение общественной и частной собственности», «Наложение коллективных штрафов», «Бесцельное разрушение городов, поселков и деревень и опустошения, не оправданные военной необходимостью», «Принудительная вербовка гражданской рабочей силы», «Принуждение гражданского населения оккупированных территорий присягать на верность враждебному государству», «Германизация оккупированных территорий».

Четвертый раздел включал обвинение в «Убийства, истребления, порабощение, высылка и другие бесчеловечные действия, совершенные против гражданского населения перед войной и во время войны», «Преследование по политическим, расовым и религиозным мотивам в процессе выполнения общего плана, упомянутого в разделе 1, и в связи с этим планом».

Как можно заключить из данного перечня, факты, относящиеся именно к этим преступлениям, как раз и приводятся в учебниках при описании оккупационного режима. Следует заметить, что за обилием перечисления сожженных деревень, разрушенных городов, угнанного в рабство населения, некоторые из данных положений опускается или пропускается. По нашему мнению, именно государственно-правовая оценка, исходящая из формулы обвинения, предъявленной в Нюрнберге, позволит излагать материал четче, без пробелов, помочь студентам юридических факультетов дать именно государственно-правовую оценку режиму немецкой оккупации в Беларуси.

О РАВЕНСТВЕ В ПРАВЕ

В.М. Бородич

То, что фактического равенства не может быть, казалось бы, очевидно. Фактическое равенство означало бы абсолютную неразличенность, бессодержательность. Равенство есть отношение, устанавливаемое между величинами сущностей, а не сущностями как таковыми. Величина вещи не есть сама вещь. Здесь не требуется диалектической изошенности, как при определении отношений между сущностью и энергией, – где энергия сущности есть сама сущность, но сама сущность не есть энергия. Величина – калька вещи, от самой вещи отвлекаемая. Количество – функ-

ция числа в отношении величины. Надо различать число, вещь, величину, количество. Качество же можно трактовать как функцию эйдоса, который выразительнее числа, – по отношению к вещи, факту, а не к величине.

Равенство соотносится с неравенством, как тождество с различием. Тождество и различие выражают отношение между формами (идеями, смыслами). Так, все люди тождественны по эйдосу, но различны по содержанию и факту. Более того, по содержанию каждое существо отличается от себя в каждый момент своей истории. Со стороны формы, сущности могут быть как тождественны, так и различны, со стороны же содержания они не вполне тождественны даже в отношении самих себя. В праве же мы имеем дело не просто с вещами, но с лицами.

Определяя право как равенство, подчеркивают, что речь идет исключительно о формальном равенстве, а именно: о необходимости применения одного масштаба ко всем субъектам права, прежде всего – к «физическим лицам». Т.е. все субъекты права как-то равны в праве. Равенство в праве не предполагает и не требует невозможного – фактического равенства. Можно ли видеть в самом праве некий аналог величины, имея в виду, что лицо не есть только вещь (А.Ф.Лосев предлагал такие определения личности: «тождество субъекта и объекта», «вывернутая наизнанку вещь»)? Здесь уместно вспомнить о свободе, хотя она, как и природа, речь о которой дальше, относится к понятиям, порой напускающим тумана вместо желанного прояснения сути.

Право есть не только формальное равенство, но и свобода (так полагают в либертаризме или классическом либерализме). Сразу же возникает желание заявить о праве, как о равенстве в свободе. Право есть мера свободы, и в этом смысле – ее математика. Но мера в диалектике понимается как единство качества и количества или, глобальнее, как единство диалектических противоположностей вообще. В праве таковыми являются свобода и ответственность. Точнее: свобода в выражении (в выборе действия и самом действии) и ответственность за этот выбор. В аспекте позитивного права имеет место единство прав и обязанностей, точнее, их соразмерность. Право есть соразмерность свободы и ответственности, или соразмерность прав и обязанностей. Соразмерность – более тонкое отношение, чем равенство. Тождество, равенство, соразмерность – при некотором сходстве, отношения различные, в том числе и по предметности. Соразмерность – вид соответствия. Соразмерность в праве, самое право, устанавливают соответствие свободы и ответственности.

Соответствие свободы и ответственности – совесть в праве, его честность. Один из ярких представителей современного либерализма Джон Ролз, определяя справедливость в праве как честность, полагает, что люди в исходной позиции выберут следующие два принципа: 1) принцип равных свобод, обеспечивающий каждому равное право на максимально широкую систему основных свобод; 2) принцип, соединяющий в себе равные возможности и различие, оправдывающий социальное неравенство настолько, насколько оно ведет к наибольшей выгоде наименее обеспеченных членов общества. Под исходной позицией здесь понимается такая ситуация, когда человек не знает того, какое положение он займет в обществе или какие преимущества получит.

Как уже говорилось выше, стоило бы задуматься, в каком контексте следует использовать термин «равенство» в праве. Джон Ролз пытается примирить либерализм с утилитаризмом, приближаясь тем самым к левому крылу либерализма. На наш взгляд, «соразмерность» куда непосредственнее говорит о справедливости. Здесь можно увидеть даже этимологическую близость самих этих слов. В чем смысл (задание) справедливости? Обеспечить благополучное существование социального организма при естественном неравенстве его членов, сохранить социальное целое в интересах всех. Более того, справедливость есть самоцель. По крайней мере, классический либерализм настаивает на этом, в противовес признания в качестве цели Блага.

А вот что говорил по поводу равенства Людвиг фон Мизес:

«Ни в чем различие в доводах старого либерализма и неолиберализма не проявляется яснее, и нигде его нельзя так легко продемонстрировать, как в их отношении к проблеме равенства. Либералы XVIII столетия... требовали равенства политических и гражданских прав для всех, потому что они полагали, что все люди равны. Бог создал всех людей равными, наделив их фундаментально одинаковыми способностями и талантами...»

Ничто, однако, не является столь плохо обоснованным, как утверждение о присущем всем членам человеческой расы равенстве. Люди абсолютно неравны».

Л. фон Мизес упоминает о ссылке просветителей на Бога. Более популярно стало постулировать некое равенство людей по природе. Помимо манипуляций с понятием равенство привлекается еще один источник манипулирования: «природа». В природе, а тем более там, где имеет место свобода, равенства как такового нет. Люди тождественны по своему эйдосу, и различны во всем остальном. Существенно различны женщины и мужчины, расы (не обязательно быть расистом, признавая такое различие), здоровые и больные и т.д. Существенны различия людей по способностям. Но мы продол-

жаем слышать догматическое: «люди по природе равны». Догма есть кристаллизация мифа. Данная догма – кристаллизация одной из вариаций гуманистической мифологии.

Дело не в том, хуже кто-то из нас или лучше (хотя и это имеет место), дело в том что мы существенно различны. Говорить о равенстве в праве можно, но с известной долей осторожности. Например, – о равенстве перед законом. Это чем-то напоминает равенство всех перед Богом, ибо Бог ни с чем не сравним. Т.о. подчеркивается выдающаяся значимость Закона для мира, где есть свобода. Можно говорить и о равенстве некоторых основных прав, но неразумно требовать равенства всех прав для всех. Последнее требование так или иначе опирается на пресловутое «равенство по природе» и тяготеет к немыслимому фактическому равенству. Все это чревато еще большим усугублением проблемы вырождения. А в отношении человека следует иметь в виду не только биологическую составляющую этого феномена, но и культурную, духовную, в целом – онтологическую. Страшно не столько то, что человек может вообще исчезнуть, а то, что он сохранится в мире, перестав быть собой. Перестанет отвечать на вызовы бытия, разменится на погоню за удобствами и наслаждениями, утратив при этом самую способность наслаждаться. Под маской же либерализма и гуманизма в их современной, по сути постмодернистской упаковке, скрывается антигуманизм.

В заключение отметим, что выказывая уважение к классическому либерализму, мы кое в чем с ним расходимся. Л.фон Мизес в 1927 году писал: «Нельзя отрицать того, что фашизм и близкие к нему движения, направленные на установление диктатур, полны лучших намерений, и их интервенция в данный момент спасла Европейскую цивилизацию... Но несмотря на то, что его политика принесла в данный момент спасение, она не может сулить продолжительный успех. Фашизм был временным чрезвычайным средством». Данная оценка фашизма представляется нам справедливой, поскольку тот порой искренне и весьма успешно противостоял вырождению (Португалия, Испания). Верно и допущение о вырождении самого фашизма, когда он переоценивает свои возможности. О вероятности подобного перерождения следует помнить и либерализму.

Литература:

1. Ролз Дж. Справедливость как честность. // Логос.- 2006.-№ 1.
2. Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М., 1994.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е.В. Бошукова

Конституция - основной, первичный источник национального законодательства, на ее основе формируется вся система текущего законодательства.

Принятие Конституции в Беларуси, а также внесение в нее изменений и дополнений является отражением нового этапа в развитии белорусского конституционализма, цель которого переустройство общества на подлинно демократических началах, свойственных правовому государству. Очень важно, чтобы мерилom деятельности государственных органов было их стремление к демократии, обеспечению прав и свобод граждан.

Конституция придает высшую юридическую силу фундаментальным правам и свободам человека и гражданина. Особое значение при анализе юридической силы Конституции Республики Беларусь приобретают вопросы прямого и непрямого действия норм международного права в национальной правовой системе.

Конституция Республики Беларусь в статье 8 закрепила приоритет общепризнанных принципов международного права. Закон Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» от 23 июля 2008 г. № 421-З объявляет их частью действующего права страны.

Так, статья 33 Закона Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» определяет, что нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется принятие (издание) внутригосударственного нормативного правового акта, и имеют силу того нормативного правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора.

Под «общепризнанными принципами и нормами международного права» в конституционном праве понимаются принципы и нормы общего международного права, т. е. обычные нормы, признанные большинством государств, включая то, в котором они подлежат применению.